

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 2 (74)

Legal Science and Practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2026

Научная статья
УДК 343.1

Запрет использования доказательств, полученных законным путем, в уголовном процессе Республики Армения

Гамбарян Артур Сиреканович^{1, 2}

¹Российско-Армянский университет, Ереван, Армения, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-4664>;

²Академия государственного управления, Ереван, Армения, artur.ghambaryan@gmail.com.

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу положений статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения, которая устанавливает основания и порядок ограничения использования доказательств в уголовном судопроизводстве. Автор проводит четкое разграничение между двумя принципиально разными правовыми институтами: признанием доказательства недопустимым вследствие существенного нарушения закона при его получении и запретом на использование доказательства, полученного в установленном порядке.

Ключевой тезис исследования заключается в том, что законодатель, вводя запреты на использование формально законно полученных сведений (при наличии разумных сомнений в их подлинности, при получении от психически нездорового лица или при отказе обвиняемого в суде от показаний, данных без защитника), основывается на презумпции их недостоверности.

В статье детально исследован каждый из трех предусмотренных законом запретов, проанализированы их юридическая природа и практика применения. Особое внимание уделено критическому разбору сложившейся судебной практики, в частности, когда попытка «переподтверждения» показаний, данных без защитника, в его последующем присутствии используется для обхода установленных законодателем ограничений. Автором аргументировано, что подобная практика не преодолевает презумпцию недостоверности таких доказательств и может подрывать гарантии права на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: недопустимые доказательства, презумпция недостоверности, запрет на использование доказательств, различия между недопустимостью и запретом использования, особенности допустимости и достоверности доказательств, показания, данные в отсутствие защитника

Для цитирования: Гамбарян А. С. Запрет использования доказательств, полученных законным путем, в уголовном процессе Республики Армения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2026. № 2 (74). С. 142–149.

Original article

Prohibition on the use of legally obtained evidence in criminal proceedings in the Republic of Armenia

Artur S. Ghambaryan^{1, 2}

¹Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-4664>;

²Academy of Public Administration, Yerevan, Armenia, artur.ghambaryan@gmail.com.

© Гамбарян А. С., 2026

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the provisions of Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia, which establishes the grounds and procedure for restricting the use of evidence in criminal proceedings. The author draws a clear distinction between two fundamentally different legal institutions: the recognition of evidence as inadmissible due to a substantial violation of the law during its collection, and the prohibition on the use of evidence obtained in accordance with established procedure. The key thesis of the research is that the legislator, by introducing prohibitions on the use of formally lawfully obtained information (in the presence of reasonable doubts about its authenticity, when obtained from a mentally ill person, or when the accused refuses in court testimony given without a defense counsel), bases these prohibitions on the presumption of their unreliability.

The article examines in detail each of the three statutory prohibitions, analyzing their legal nature and application practice. Particular attention is paid to a critical analysis of established judicial practice, specifically cases where attempts to “reconfirm” testimony given without a defense counsel in his subsequent presence are used to circumvent the restrictions established by the legislator. The author argues that such practice does not overcome the presumption of unreliability of such evidence and may undermine the guarantees of the right to a fair trial.

Keywords: inadmissible evidence, presumption of unreliability, prohibition on the use of evidence, differences between inadmissibility and prohibition of use, peculiarities of admissibility and reliability of evidence, testimony given in the absence of a defense counsel

For citation: Ghambaryan A. S. Prohibition on the use of legally obtained evidence in criminal proceedings in the Republic of Armenia. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2026, no. 2 (74), pp. 142–149. (In Russ.).

Статья 97 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения (далее — УПК РА) имеет широкую сферу регулирования: она закрепляет не только материальные основания и процессуальный порядок признания недопустимыми доказательств, полученных с существенным нарушением закона но также запреты на использование в качестве доказательств сведений, полученных в установленном законом порядке. Например, в деле № ԵՂ1/0442/01/23 защитник ходатайствовал о признании недопустимым протокола допроса (показаний) обвиняемого А., поскольку они были даны им в статусе задержанного в отсутствие защитника. По указанному делу судья Дж. Айрапетян, обращаясь к адвокату, справедливо отметил, что в данном случае следует рассматривать не вопросы допустимости доказательств, а применение запрета на использование в качестве доказательств данных, полученных в установленном законом порядке (ч. 6 ст. 97 УПК РА) [1].

Законом устанавливается три запрета на использование данных, полученных в установленном законом порядке, в качестве доказательств:

1) имеются разумные сомнения в том, что были подменены данные или изменены их характеристики;

2) данные получены от лица, которое вследствие психических или физических проблем не способно правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства, подлежащие разъяснению в ходе производства;

3) обвиняемый в суде отказался от показаний, данных им в отсутствие защитника (ч. 5–6 ст. 97 УПК РА).

Отдельные авторы, принимая за основу законодательные запреты на использование доказательств, полученных в установленном законом порядке, в качестве самостоятельного свойства доказательства также указывают на пригодность доказательства [2, с. 76]. В действительности пригодность не является свойством доказательства. В этих ситуациях законодатель признал использование доказательств юридически невозможным, поскольку вероятнее всего исходил из предположения, что в трех описанных случаях доказательства недостоверны (презумпция недостоверности доказательства).

Если есть разумные сомнения, что данные (их носитель или доказательство) были заменены, то доказательства считаются недостоверными. Аналогична ситуация и тогда, когда данные получены от лица, которое вследствие психических проблем не способно правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства, подлежащие разъяснению в ходе производства, либо если обвиняемый в суде отказался от показаний, данных им в отсутствие защитника в ходе предварительного следствия, что такие доказательства не могут быть признаны достоверными.

Таким образом, законодатель *a priori* подверг сомнению достоверность доказательств, представленных в этих ситуациях.

Различия между недопустимостью и запретом на использование доказательств. Из вышеизложенного следует, что в статье 97 УПК РА закрепляются две группы норм, касающихся невозможности использования данных (доказательств): первая группа — нормы о

недопустимости использования в качестве доказательства данных, полученных с *существенным нарушением закона*, и вторая — нормы ограничения (запрета) использования в качестве доказательства данных, полученных в *установленном законом порядке*. Данное разграничение находит подтверждение и в современной российской процессуальной доктрине.

Как справедливо отмечают Э. А. Винокуров и Ю. А. Ковтун, оценке достоверности доказательств предшествует анализ их допустимости: только допустимое доказательство может в дальнейшем проверяться на достоверность [3, с. 134]. Армянский законодатель в статье 97 УПК РА по сути развивает эту логику, но идет дальше: помимо классического института недопустимости (когда нарушение закона ставит под сомнение саму возможность использования доказательства), он вводит запреты на использование формально допустимых, но презюмируемо недостоверных доказательств. Это означает, что даже если доказательство получено без нарушений, то оно может быть исключено из процесса доказывания на основе презумпции его недостоверности, закрепленной в частях 5–6 статьи 97 УПК РА.

Данные (доказательства) являются недопустимыми, если они получены с существенным нарушением закона, в то время как в случае же запрета на использование доказательств, когда нарушений закона при собирании доказательств не допущено, законодатель, исходя из презумпции их недостоверности, запрещает использование доказательств, полученных законным путем.

В отличие от недопустимости доказательств, в случае запрета на использование доказательств, полученных в установленном законом порядке, доктрина «плодов ядовитого дерева» и правило асимметрии допустимости доказательств неприменимы, поскольку последние два правила относятся к данным, полученным с существенным нарушением закона. Например, в отличие от доктрины «плодов ядовитого дерева», положения частей 5–6 статьи 97 УПК РА устанавливают запрет на использование сведений, полученных с нарушением закона. Однако указанный запрет не распространяется на иные доказательства, если они были получены на основании таких сведений, но при этом в соответствии с требованиями закона. Например, следователь провел обыск на основании показаний человека с психическими нарушениями и получил вещественные доказательства. В данном случае показания лица, страдающего

психическими расстройствами и вследствие этого неспособного правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства, в силу закона не могут быть признаны допустимыми доказательствами. Однако доказательства, полученные в результате обыска, проведенного на основании таких показаний, могут быть использованы, если их получение соответствует требованиям закона.

Запреты на использование доказательств. *Разумное сомнение в подмене доказательства или изменении его характеристик.* Данные, полученные в установленном законом порядке, не могут быть использованы в качестве доказательства, если имеются разумные сомнения в том, что они были подменены или изменены их характеристики (п. 1 ч. 5 ст. 97 УПК РА). Норма основана на презумпции недостоверности доказательства, поскольку законодатель, исходя из разумного сомнения в возможной подмене или изменении характеристик данных, носителя данных либо доказательства, исходит из предположения о его недостоверности. В этой норме речь идет о двух различных ситуациях.

Первая ситуация касается разумного сомнения в отношении *подмены* носителей данных (например, объектов, содержащих информацию и документы) другими носителями. В случае подмены объектов и документов на другие носители происходит также подмена данных, содержащихся на этих носителях. Вторая ситуация связана с обоснованным сомнением в *изменении* характеристик носителя данных: сам носитель не был подменен, его характеристики были изменены, что повлияло на содержащиеся в нем данные.

Во избежание рисков, связанных с подменой данных или изменением их характеристик, важно соблюдать нормы, предусмотренные законодательством об упаковке, запечатывании, хранении, транспортировке предметов или документов.

Разумные сомнения в отношении подмены данных или изменения их характеристик могут быть развеяны, а презумпция недостоверности доказательства может быть опровергнута, например, путем допроса в суде лица, получившего или составившего это доказательство (ч. 4 ст. 311 УПК РА).

Из вышесказанного следует, что подмена данных или изменение их характеристик осуществляется путем подмены или модификации носителей этих данных. В первую очередь носители информации представляют собой

предметы и документы, однако, учитывая, что в пункте 1 части 5 статьи 97 УПК РА не уточняется тип или характер носителя информации, текстуальная формулировка данной нормы допускает ее применение и в случаях, когда носителем информации является человек. Это возможно, например, в ситуациях подмены данных путем замены одного лица, являющегося носителем информации, другим лицом, либо в случаях изменения характеристик данных, носителем которых является данное лицо. Например, возникают разумные сомнения в том, что вместо реального свидетеля показания дал другой человек, внешне похожий на него после пластической операции.

На практике могут встречаться случаи, когда отсутствуют факты применения принуждения к обвиняемому или свидетелю с целью изменения показаний, однако эта ситуация порождает разумные сомнения о том, что данные, сообщенные лицом в соответствующей уязвимой ситуации, могли быть изменены, например, задержанный дал признательные показания в отсутствие защитника и был освобожден вскоре после этого. Эта ситуация позволяет предположить высокую вероятность того, что сведения, сообщенные лицом в такой уязвимой ситуации, были изменены. С этой точки зрения представляют интерес судебные решения по делу № 172/0062/01/18, которые, если были вынесены в условиях действия УПК РА, вступившего в силу в 2021 году, позволили бы судам легко разграничивать признаки допустимости и достоверности доказательств. В указанном деле отсутствовал какой-либо факт получения признательных показаний от лица с применением насилия или угрозы, однако эти признания были даны в условиях, вызывающих разумные сомнения в их достоверности, поскольку лицо находилось под стражей, с ним постоянно проводились «оперативные опросы», после чего лицо дало признательные показания. В этот период защитник отсутствовал. Лицо самостоятельно инициировало дачу признательных показаний, подав письменное заявление в орган, ведущий производство. Сразу после признания вины и дачи признательных показаний оно было освобождено.

По этому делу Апелляционный уголовный суд Республики Армения установил, что заявитель, подавший жалобу на недопустимость указанных признательных показаний, не указал в апелляционной жалобе зафиксированные фактические данные, которые могли бы подтвердить, что лицо дало показания на предварительном

следствии в результате принуждения или незаконного воздействия. В то время как Кассационный Суд решением от 12 февраля 2021 года по делу № 172/0062/01/18 отметил: «Указанные обстоятельства разумно ставят под сомнение **допустимость**, а затем и **достоверность** признательных показаний лица, данных на предварительном следствии (выделено автором). В частности, хронологическая последовательность обстоятельств, имевших место в этом деле, с точки зрения беспристрастного наблюдателя, создает сомнения в достоверности и точности признательных показаний, данных на предварительном следствии. В таких условиях суды нижестоящих инстанций при вынесении судебных актов, прежде чем рассматривать признательные показания лица, данные на предварительном следствии в качестве фактических данных, подтверждающих вину последнего, должны были дать надлежащую правовую оценку совокупности обстоятельств, предшествовавших и последовавших за получением этих данных, чтобы надлежащим образом обеспечить справедливость судебного разбирательства. В этом контексте суды нижестоящих инстанций должны были использовать все разумные возможности, включая допрос сотрудников полиции, которые проводили соответствующие допросы, а при необходимости и сотрудников места содержания задержанных, с целью проверки условий получения показаний на предварительном следствии» (судебное) [4].

Кассационный Суд Республики Армения в решении рассмотрел вопрос допустимости доказательств в ситуации, когда отсутствовали какие-либо зафиксированные прямые или косвенные факты применения насилия к лицу. Если бы на момент вынесения данного судебного решения действовал пункт 1 части 5 статьи 97 УПК РА, суд имел бы возможность запретить использование соответствующих доказательств на основании данной нормы, поскольку сложившаяся ситуация могла бы породить разумные сомнения в том, что характеристики данных, которыми располагает лицо, давшее устные показания, были изменены.

Данные, исходящие от лица, имеющего психические, умственные или физические нарушения. Данные, полученные в установленном законом порядке, не могут быть использованы в качестве доказательств, если они исходят от лица, которое вследствие психических, умственных или физических нарушений неспособно правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства, имеющие

значение для рассматриваемого производства (п. 2 ч. 5 ст. 97 УПК РФ).

Во-первых, из данной нормы нельзя сделать вывод, что законом запрещено проводить процессуальные действия по доказыванию с участием лиц, имеющих психические, умственные или физические нарушения. Если бы это было запрещено, то речь шла бы не об ограничении использования данных, а о недопустимости доказательств. Законодатель также устанавливает специальные правила, касающиеся допроса таких лиц: например, допрос человека, имеющего психические нарушения, не должен длиться более двух часов (ст. 217 УПК РФ).

Во-вторых, этот запрет применяется при наличии двух условий: 1) у лица имеются психические, умственные или физические нарушения; 2) в силу этих проблем лицо утратило способность правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить обстоятельства, подлежащие выяснению в ходе производства. Это должно быть подтверждено заключением судебно-психиатрического или судебно-психологического эксперта (ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

В-третьих, данная норма касается запрета на использование данных, исходящих от лица, имеющего психические, умственные или физические нарушения, если носителем этих данных является само лицо, неспособное правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить информацию. Именно в силу этого обстоятельства использование данных, полученных от такого лица, запрещено, поскольку их достоверность зависит от способности человека, имеющего нарушения здоровья, воспринимать, запоминать и воспроизводить их. Например, при опознании данные, переданные опознающим, не могут быть использованы в качестве обстоятельства, если будет установлено, что он утратил способность запоминать вследствие психических нарушений. В этом случае носителем данных об обстоятельствах, подлежащих опознанию, является лицо, имеющее нарушения здоровья.

Если лицо, имеющее нарушения здоровья, представило, например, материальный носитель (например, объект), то рассматриваемая норма сама по себе не запрещает использование данных, отраженных на этом носителе, поскольку носителем этих данных является не лицо, имеющее нарушения здоровья, а объект, представленный этим лицом. Оценка данных, отраженных на этом носителе, не зависит от способности человека, представившего их, воспринимать какие-либо обстоятельства. Другое

дело, когда данные, сообщенные лицом, имеющим нарушения здоровья, а именно, при каких обстоятельствах (когда, где, у кого) оно получило этот материальный носитель, не могут быть использованы в качестве доказательства.

Отказ в суде от показаний, данных в отсутствие защитника. Показания, данные обвиняемым в отсутствие защитника, недопустимы, если обвиняемый отказывается от них в суде (ч. 6 ст. 97 УПК РФ). В соответствии с частью 2 статьи 330 УПК РФ: «Показания обвиняемого, данные им в ходе досудебного производства, не могут быть разглашены, если они были получены в отсутствие защитника, и обвиняемый отказался от них в суде».

Частью 6 статьи 97 УПК РФ была заимствована из уголовно-процессуальных кодексов постсоветских государств, в частности из УПК РФ от 2001 года, пункт 1 части 2 статьи 75 которого предусматривал, что показания обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, от которых он отказался в суде, являются недопустимыми. Идентичная норма была также предусмотрена в 1999 году в Кыргызской Республике, что отражено в части 4 статьи 81 УПК Кыргызской Республики.

В Российской Федерации показания, данные обвиняемым в отсутствие защитника и от которых он отказался в суде, признаются недопустимыми. В данном случае, в отличие от Республики Армения, применяется институт допустимости доказательств. Российские правоведы справедливо критикуют подход российского законодателя к увязке законно полученных показаний с институтом недопустимости, поскольку в описываемой ситуации показания подсудимого не могут быть квалифицированы как недопустимые доказательства. Это объясняется тем, что при их получении не было допущено нарушения закона, в то время как доказательства признаются недопустимыми, если они получены с нарушением закона [5, с. 13; 6, с. 18; 7 с. 41–44; 8, с. 148].

Законодатель Республики Армения, учитывая, вероятно, критику со стороны российских процессуалистов, подошел к этому вопросу иначе: он не считал показания, данные в отсутствие защитника, основанием для признания их недопустимыми, а отнес их к доказательствам, полученным в установленном порядке, но с запретом на их использование.

Следует отметить, что допрос обвиняемого в отсутствие защитника может быть законным в одной ситуации и незаконным в другой.

Например, если следователь не предпринял немедленных мер для обеспечения участия защитника, когда такой случай этого требует (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), то показания должны рассматриваться как полученные с существенным нарушением закона и быть признаны как недопустимыми. Если обвиняемый в порядке, предусмотренном законом, отказался от защитника на предварительном следствии (ст. 47 УПК РФ), то в данной ситуации показания, полученные в отсутствие защитника, считаются полученными на законных основаниях, однако если обвиняемый отказывается от этих показаний в суде, их использование запрещается.

Существует распространенное мнение, что цель ограничения использования показаний, данных в отсутствие защитника, заключается в том, чтобы обвинение не основывалось в первую очередь или преимущественно на показаниях обвиняемого, а орган, осуществляющий производство, был бы заинтересован в проведении допроса обвиняемого в присутствии защитника [9, с. 168]. На самом деле, эта норма отражает более глубокую концепцию. П. А. Лупинская отмечает: «Показания обвиняемого, данные без защитника, являются недопустимыми, поскольку вызывает сомнения их добровольность, что создает основания полагать, что обвиняемый дал показания против себя под давлением» [10, с. 5–8].

Если обобщить сказанное, то вновь подтверждается наше утверждение о том, что законодатель основывал данное положение на презумпции недостоверности показаний обвиняемого: если обвиняемый отказывается в суде от показаний, данных на досудебном этапе в отсутствие защитника, то предполагается, что эти показания недостоверны.

На практике встречаются случаи, когда на досудебном этапе следствия обвиняемый дает признательные показания без защитника, а через несколько дней следователь организует повторный «допрос», на котором обвиняемый уже в присутствии защитника подтверждает показания, данные на первом допросе. Возникает вопрос: «Можно ли считать факт подтверждения первых показаний в присутствии защитника на втором «допросе», организованном следователем, основанием для опровержения судом презумпции недостоверности показаний подсудимого, данных в отсутствие защитника, и допустимым основанием для использования (разглашения) этих показаний в случае отказа подсудимого давать показания в суде?».

Суды Республики Армения в целом поддерживают подход прокуратуры по данному

вопросу, согласно которому, если в ходе повторного допроса, организованного следователем, обвиняемый подтверждает первые показания в присутствии защитника, то в этом случае отсутствуют законодательные препятствия для использования (их разглашения в суде) первых показаний, данных на досудебном этапе (судебное дело № БГ1/2183/01/23) [11]. Так, по мнению судьи Дж. Айрапетяна, в деле № БГ1/0442/01/23, разглашение показаний, данных на предварительном следствии, было законным, поскольку обвиняемый, будучи осведомленным о праве хранить молчание и не давать показания против себя, в присутствии защитника осознанно подтвердил свои первоначальные показания, данные им в качестве арестованного без защитника. В приговоре от 26 ноября 2024 года судья указал: «...ранее данные показания могут быть разглашены и положены в основу приговора при соблюдении следующих условий:

1. Обвиняемый должным образом был осведомлен о своем праве хранить молчание и, проконсультировавшись с адвокатом, в его присутствии сделал осознанный выбор и подтвердил свои предыдущие показания.

2. Защитник не был лишен возможности ознакомиться с содержанием ранее данных показаний на основании пункта 12 части 1 статьи 49 УПК РФ». При этом не имеет правового значения факт, ограничился ли обвиняемый лишь подтверждением ранее данных показаний в присутствии защитника или повторением каких-либо иных сведений или уже сообщенной информации (судебное дело № БГ1/0442/01/23). Подобная практика, сложившаяся у публичных участников уголовного судопроизводства и судов Республики Армения, является спорной.

Процесс последующего подтверждения в присутствии защитника признания, данного в отсутствие защитника, по сути говоря, не является допросом, а представляет собой замаскированный под термины «допрос» и «показания» процесс нотариального удостоверения, который организуется не для получения дополнительных данных, имеющих значение для уголовного судопроизводства, или для проверки существующих данных, а для формального подтверждения ранее данного признания в нескольких словах в присутствии защитника. В связи с этим повторный «допрос» не является действием по доказыванию, поскольку его целью не является получение новых доказательств. Протокол, составленный по результатам этого действия, не может быть квалифицирован как свидетельские показания

(доказательства), так как он не обладает признаком относимости доказательств.

Этот процесс, не связанный с допросом и дачей показаний, был предусмотрен Уголовным кодексом Республики Армения с целью обхода ограничений, установленных частью 6 статьи 97 и частью 2 статьи 330 УПК РА, а также с целью обхода института судебного депонирования показаний. С точки зрения обеспечения достоверности результатов процесса есть разница между ситуациями, когда человек дает признательные показания *при участии защитника*, и когда человек *в присутствии* защитника в нескольких словах и за несколько минут подтверждает признательные показания, данные им в отсутствие защитника. Таким образом, процесс подтверждения сделанного в отсутствие защитника признания позже в присутствии защитника не может преодолеть презумпцию недостоверности признания, сделанного в отсутствие защитника.

В данном деле судья Дж. Айрапетян не учел необходимость того, чтобы защитник фактически ознакомился с содержанием признания во время второго действия. Судья взял за основу подход, в соответствии с которым защитник сам должен был запросить копию ранее данного подсудимым признания (протокола), и, если у него возникли бы возражения против признания, то он выдвинул бы их во время второго действия. Такая логика, безусловно, имеет право на существование, однако в вопросах обеспечения гарантий правосудия, особенно касающихся признательных показаний, нельзя исходить из простого предположения, что «молчание адвоката = отсутствие возражений». В этой ситуации ответственность за обеспечение гарантий правосудия должна лежать на публичных участниках уголовного судопроизводства и суде. В случае неизбежности выбора между плохим и худшим вариантами можно предпочесть следующую практику: в ходе второго допроса следователь может цитировать краткое содержание признательных показаний, зафиксированных в протоколе либо по своей инициативе предоставить защитнику копию этих показаний (все это должно быть должным образом задокументировано). После этого обвиняемый в присутствии должностного лица выражает свою четкую позицию относительно признания. В случае признания такой практики будут обеспечены минимальные гарантии справедливости в отношении признательных показаний.

Законодатель Республики Армения сознательно создал в статье 97 УПК РА сложную, двухуровневую систему исключения доказательств.

Это позволяет дифференцированно подходить к оценке доказательств: в одних случаях доказательство исключается из процесса доказывания как *недопустимое* (что является прямым следствием существенного нарушения закона при его получении), в других — на его использование налагается *запрет*, что представляет собой самостоятельную превентивную меру, основанную на презумпции недостоверности.

Введение в научный оборот таких понятий, как «пригодность» в качестве самостоятельного свойства доказательства, наряду с относимостью, допустимостью и достоверностью, является терминологически и сущностно неверным. Законодательная конструкция статьи 97 УПК РА основана на презумпции недостоверности в конкретных случаях, а не на оценке его абстрактной «пригодности».

Ключевое последствие разграничения институтов проявляется в действии доктрины «плоды отравленного дерева». Она применяется исключительно к недопустимым доказательствам, полученным с существенным нарушением закона, но не распространяется на доказательства, полученные на основе сведений, использование которых лишь запрещено. Это подчеркивает, что запрет на использование направлен именно на конкретное доказательство, а не на весь производный от него доказательственный комплекс.

Сложившаяся в судебной практике Республики Армения модель «переподтверждения» показаний, данных в отсутствие защитника, путем их формального воспроизведения в его присутствии, является не более чем симуляцией соблюдения процессуальных гарантий.

Буквальная формулировка пункта 1 части 5 статьи 97 УПК РА, запрещающая использование данных при наличии разумных сомнений в том, что они были заменены или были изменены их характеристики, обладает значительным потенциалом для широкого толкования. Эта норма позволяет распространить запрет на использование на случаи, когда «носителем данных» является человек, а под «изменением характеристик данных» понимается потенциальное искажение информации, исходящей от этого лица, под воздействием психологического давления, нахождения в уязвимом состоянии (как в приведенном примере с задержанным) или иных обстоятельств, объективно ставящих под сомнение аутентичность и первоначальный характер его показаний, даже при отсутствии прямых доказательств их формальной «подмены» или процессуальных нарушений.

Список источников

1. Уголовный суд первой инстанции города Еревана, Республика Армения. Дело № Ы1/0442/01/23 от 15 ноября 2023 года. URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=48976645947656453 (дата обращения: 20.03.2026).
2. Варданян А. Допустимость и пригодность как признаки уголовно-процессуального доказательства в уголовном судопроизводстве РА // Законность. 2025. № 137. С. 64–85.
3. Винокуров Э. А., Ковтун Ю. А. Отдельные проблемы оценки допустимости и достоверности доказательств по уголовным делам // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 131–136.
4. Кассационный Суд Республики Армения дело № Ы2/0062/01/18 от 12 февраля 2021 года. URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=30962247438255716 (дата обращения: 20.03.2026).
5. Кипнис М. Допустимость доказательств по новому УПК // Возможности защиты в рамках нового УПК России»: материалы научно-практической конференции адвокатов, проведенной Адвокатской палатой г. Москвы при содействии Коллегии адвокатов «Львова и партнеры». ЛексЭст, 2003. С. 10–20.
6. Белоковильский М. К вопросу о понятии допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 3. С. 81–84.
7. Новиков С. Показания обвиняемого в уголовном процессе России: проблемы допустимости // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 41–44.
8. Балакшин В. К вопросу о понятии и содержании получения доказательств в уголовном процессе // Правоведение. 2014. №1 (312). С. 146–161.
9. Практическое руководство по толкованию концептуальных решений, инновационных подходов и основных институтов нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения. Совет Европы, Ереван. 2022, 613 с.
10. Лупинская П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
11. Уголовный суд первой инстанции города Еревана Республики Армения судебное дело № Ы1/2183/01/23 от 16 апреля 2024. URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=48976645947667002 (дата обращения: 20.03.2026).

Информация об авторе

А. С. Гамбарян — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) Университета; профессор кафедры права Академии государственного управления Республики Армения.

Information about the author

A. S. Ghambaryan — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law at the Russian-Armenian (Slavic) University; Professor of the Department of Law at the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia.

References

1. Criminal Court of First Instance of Yerevan, Republic of Armenia. Case no. Ы1/0442/01/23, November 15, 2023. URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=48976645947656453 (accessed 20.03.2026). (In Russ.).
2. Vardanyan A. Admissibility and Suitability as Features of Criminal Procedural Evidence in Criminal Proceedings of the Republic of Armenia. *Legality*, 2025, no. 137, pp. 64–85. (In Russ.).
3. Vinokurov E. A., Kovtun Yu. A. Certain Issues of Assessing the Admissibility and Reliability of Evidence in Criminal Cases. *Gaps in Russian Legislation*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 131–136. (In Russ.).
4. Cassation Court of the Republic of Armenia, Case No. Ы2/0062/01/18, February 12, 2021. URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=30962247438255716 (accessed 20.03.2026). (In Russ.).
5. Kipnis M. Admissibility of Evidence under the New Criminal Procedure Code / Defense Possibilities within the Framework of the New Criminal Procedure Code of Russia: Proceedings of the Scientific and Practical Conference of Lawyers Held by the Moscow Bar Association with the Assistance of the Lvov and Partners Bar Association. *LexEst*, 2003. Pp. 10–20. (In Russ.).
6. Belokovitsky M. On the Concept of Admissibility of Evidence in Russian Criminal Procedure. *Problems of Economics and Legal Practice*, 2008, no. 3, pp. 81–84. (In Russ.).
7. Novikov S. Testimony of the Accused in Criminal Procedure in Russia: Problems of Admissibility. *Russian Justice*, 2014, no. 2, pp. 41–44. (In Russ.).
8. Balakshin V. On the Concept and Content of Obtaining Evidence in Criminal Procedure. *Jurisprudence*, 2014, no. 1 (312), pp. 146–161. (In Russ.).
9. Practical Guide for the Interpretation of Conceptual Solutions, Innovative Approaches, and Basic Institutions of the New Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia. Council of Europe, Yerevan. 2022, 613 p.
10. Lupinskaya P. Evidence and Proof in the New Criminal Trial. *Russian Justice*, 2002, no. 7, pp. 5–8. (In Russ.).
11. Criminal Court of First Instance of the City of Yerevan of the Republic of Armenia, Case no. Ы1/2183/01/23 of April 16, 2024. URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=48976645947667002 (accessed 20.03.2026). (In Russ.).